

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-226-241>

EDN: HSSDLT

Научная статья / Research Article

Экспликация понятия реальности в цифровую эпоху: вопросы теории и методологии

В.И. Пржиленский

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия*

 viprzhilenskij@msal.ru

Аннотация. Благодаря взрывному развитию инфокоммуникационных технологий и последовавшему за этим не менее взрывному преобразованию жизни человека и общества философы и публицисты заговорили о цифровой реальности. Видимо пришло время разобраться с той реальностью или даже с тем набором реальностей, который сложился в доцифровую эпоху. Это необходимо, во-первых, для лучшего понимания природы и сущности самой цифровой реальности, а во-вторых, – это важно для максимально точной оценки перспектив ее взаимодействия с доцифровыми реальностями. Так, в XX в. были выявлены и описаны два основных способа конструирования доцифровой реальности или, что точнее, были предложены две модели идентификации реальности. Первая модель была получена с использованием средств неокантианской и феноменологической философии науки (Коген, Кассирер, Гуссерль), вторая родилась на стыке прагматистской психологии, феноменологической социологии и социологии знания (Джемс, Шюц, Бергер, Лукман). Объединяет эти модели то, что реальность (в отличие от вещей) не дана нам в непосредственном опыте и не конституируется в прямом смысле этого слова (в отличие от мира или бытия). Автор исходит из предположения о том, что при изучении формирования цифровой реальности необходимо использовать опыт предшественников и проверить гипотезу о том, что цифровая реальность обладает свойствами как физической, так и повседневной (социальной) реальности. Точно так же, как и конструирование физической реальности и социальное конструирование повседневной реальности, конструирование цифровой реальности должно оказаться стихийным процессом во всех своих измерениях. Также важно понять, является ли конструирование цифровой реальности отдельным процессом, протекающим параллельно с конструированием теоретических реальностей и повседневных реальностей или же речь идет о цифровизации существующих реальностей.

Ключевые слова: физическая реальность, повседневность, конструктивизм, цифровая реальность, неокантианство, феноменология, социология знания

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пржиленский В.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Информация о финансировании. Исследование подготовлено в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079–6.

История статьи:

Статья поступила 25.08.2024

Статья принята к публикации 01.12.2024

Для цитирования: *Пржиленский В.И.* Экспликация понятия реальности в цифровую эпоху: вопросы теории и методологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 1. С. 226–241. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-226-241>

Explication of the Concept of Reality in the Digital Age: Issues of Theory and Methodology

Vladimir I. Przhilenskiy

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

 viprzhilenskij@msal.ru

Abstract. Due to the explosive development of info-communication technologies and the equally explosive transformation of human and social life that followed, philosophers and publicists have started talking about digital reality. Apparently, the time has come to deal with that reality or even with the set of realities that have emerged during the pre-digital era. First, this is necessary for a better understanding of the nature and essence of digital reality itself, and, second, it is important for the most accurate assessment of the prospects of its interaction with pre-digital realities. Thus, in the 20th century, two main ways of constructing pre-digital reality were identified and described, or, more precisely, two models of reality identification were proposed. The first model was constructed using the means of neo-Kantian and phenomenological philosophy of science (Cogen, Cassirer, Husserl), while the second model was born at the junction of pragmatist psychology, phenomenological sociology and sociology of knowledge (James, Schutz, Berger, Lukman). What unites these models is that reality (unlike things) is not given to us in our direct experience and is not constituted in the direct sense of the word (unlike the world or being). The author proceeds from the assumption that in studying the formation of digital reality it is necessary to use the experience of predecessors and test the hypothesis that digital reality has the properties of both physical and everyday (social) reality. Just like the construction of physical reality and the social construction of everyday reality, the construction of digital reality should prove to be a spontaneous process in all its dimensions. It is also important to understand whether the construction of digital reality is a separate process running in parallel with the construction of theoretical realities and everyday realities, or whether it is the digitalisation of already existing realities.

Keywords: physical reality, everyday reality, constructivism, digital reality, neo-Kantianism, phenomenology, sociology of knowledge

Information about the conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was prepared within the framework of the state assignment ‘Russian legal system in the realities of digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)’. Registration number: 124012000079–6.

Article history:

The article was submitted on 25.08.2024

The article was accepted on 01.12.2024

For citation: Przhilenskiy VI. Explication of the Concept of Reality in the Digital Age: Issues of Theory and Methodology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(1):226–241. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-226-241>

Введение: две реконструкции

Реальность – это конструкция, которая была создана людьми, но она была создана не из ничего, она не есть плод фантазии или проектирования. И реальность теоретической физики, и реальность повседневного мира возникли не по какому-то плану, а стали результатом множества целенаправленных усилий, совершаемых разными людьми с совершенно иными, отличными от намерения сконструировать реальность целями. Физики думали, что открывают законы природы, а «побочным» результатом стала физическая реальность (попперовский третий мир). Обычные люди с доисторических времен совместно охотились, сеяли, пасли скот, осваивали ремесла, результатом чего стала реальность обыденной жизни. Каждый человек на протяжении всей своей жизни учится понимать и ощущать окружающий его мир, результатом которого становится регулярное мысленное выделение себя, своего тела и своего сознания из окружающей среды, их «автоматическую» идентификацию. Так, на стыке этих двух реальностей возникает технология взаимодействия человека с внешним миром и с самим собой.

В современной философии и науке можно обнаружить систематические затруднения при использовании понятия реальности, семантическая неопределенность которого заставляет авторов периодически само его использование сопровождать таким количеством оговорок и пояснений, что хочется заменить его чем-то более ясным и точным. Конструктивистская точка зрения, получившая распространение в XX в., позволяет достичь известного согласия, но только при условии, если мы готовы справиться с эффектом «размножения» реальностей. Из множества видов реальности, упоминание о которых можно найти на страницах научных изданий, целесообразно выделить две, чей онтологический статус выходит за пределы дисциплинарно определенной региональной онтологии. Интерес к этим двум реальностям не ограничился стремлением установить их свойства и отличительные признаки – исследователи сконцентрировали свое внимание на механизмах их образования,

источниках и движущих силах. Таким образом, генезис и эволюция двух видов реальности были подвергнуты рациональной реконструкции, что дало основание прогнозировать сходство данных процессов с процессами формирования новой реальности – цифровой.

Первый опыт рациональной реконструкции теоретического мышления, побочным продуктом которого явилось понятие реальности, принадлежит неокантианско-феноменологической философии науки. Данная традиция представлена трудами Г. Когена, Э. Кассирера, Э. Гуссерля и А. Койре, чьи реконструкции галилеевской мысли позволили иначе взглянуть на рождение классической механики, а вместе с нею и всей новоевропейской науки. Вторая теория также испытала на себе влияние неокантианства и феноменологии, но здесь в фокусе исследовательского интереса оказалась не теоретическая, а обыденная реальность, то есть реальность повседневной жизни. Не случайно для реконструкции генезиса данной реальности были избраны средства и методы феноменологической социологии знания, связанной с именами А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана. И хотя применяемая ими методология восходила к философии позднего Гуссерля, сам способ постановки проблем сформировался под влиянием прагматистской психологии У. Джемса, утверждавшего, что реальность ощущается и это ощущение представляет собой разновидность эмоционального переживания. В полном соответствии с теорией аутопоэзиса человек, как и любая другая аутопоэтическая система, стремится отделить себя от окружающей среды. Вот это-то свойство человеческого сознания и становится интересным для психолога-прагматиста. В этом случае мы не интересуемся ответом на вопрос, какова реальность, задаваясь другим вопросом: относятся ли те или иные наши переживания и ощущения к реальности и как мы способны это ощутить?

Реальность как требование теоретического мышления и технического творчества

Неокантианская и феноменологическая философия науки едина в том, что реальность – это прежде всего физическая реальность, сконструированная в процессе «открытия» физических законов и генезиса теоретической физики, основанной на опытно-экспериментальном методе Галилея. Таким образом, эволюция теоретической физики продуцирует все основные изменения в конструкции физической реальности.

Первый вид реальности, который сегодня именуют физической реальностью, был обязан своим рождением идеям Галилея, Ньютона и других активных участников научной революции XVII в. В своем поиске законов природы, которые выражались бы на языке математики, физики постепенно стали мыслить мир как реальность, вернее, как физическую реальность. Скорее всего этого потребовал новый метод, получивший название опытно-экспериментального. В процессе становления научной лаборатории уже в XVII в.

в полной мере встала проблема соединения двух методов галилеевской науки: наблюдения и эксперимента. То, что Я. Хакинг определил как дихотомию представления и вмешательства, только в методологических декларациях диссертантов и учебниках по теории познания, выглядит как два разных метода, выбираемых из некоего исследовательского реквизита и применяемых изолированно друг от друга. Только концепция мира как реальности, мира вещей как одной сверх-вещи, позволяет организовать научное наблюдение для того, чтобы подготовить эксперимент и получить экспериментальные данные для возобновления наблюдения. Только мир, представленный как единая реальность (сверх-вещь), в которой все отдельные вещи – проявления этой реальности, может быть описан математически.

Таким образом, то, что сегодня называют физической реальностью – это продукт эволюции теоретического мышления, возникший из потребности заменить неоперационализируемый и нематематизируемый концепт «бытие» чем-то, поддающимся операционализации и математизации. Конструирование такого объекта явилось составной частью опытно-экспериментального метода, условием достижения соответствия между двумя мирами: чувственным и умопостигаемым. После того как средневековое понятие вещественности превратилось в умах создателей новой науки в некую сверх-вещь, свойства этой теоретической конструкции стали одним из главных предметов обсуждения в научной и научно-популярной литературе. Вопросы о том, какова реальность, волновали не только специалистов, но и всех тех, кто, следуя идеалам эпохи Просвещения, стремился приобщиться к новейшим достижениям науки, сформировать свое мировоззрение.

От вопроса о реальном к вопросу о реальности

В то время как вопрос о том, какова реальность, медленно, но верно стал перемещаться из пространства философских дискуссий в сферу теоретической физики, философы продолжали обсуждать критерии различения «реального» и «нереального» в нашем восприятии мира. На заре Нового времени и Ньютон, и Декарт мыслили мир как невидимый, но математически точно описываемый механизм. Наглядность механической аналогии, несомненно, придавала соответствующей модели мира ясность и простоту. Но последующее развитие физики все дальше уходило от наглядности. И вот уже Эйнштейн сетует на то, что благодаря созданию электромагнитной теории реальность перестает быть объяснимой, она не имеет более аналогий в мире повседневного опыта. Ее описание, по мнению создателя теории относительности, сводится к системе дифференциальных уравнений в частных производных, а ее визуализация становится невозможной [1. С. 10].

Между тем под влиянием различных философских традиций все более популярной становится идея конструирования реальности, которое хотя и происходит незапланированно, но все же подчиняется неким закономерностям. Эти закономерности или точнее схемы и способы конструирования

реальности, как и их зависимость от потребностей теоретического описания фактов, подробно исследуются на рубеже XIX и XX вв. неокантианцами и феноменологами в их попытках отстоять непозитивистскую философию науки. Неокантианская и феноменологическая модели теоретического конструирования реальности чем-то похожи, хотя в основе первой лежит понятие корреляции, тогда как во второй – методической индукции. Посмотрим, можно ли их использовать для реконструкции процесса конструирования цифровой реальности.

Основоположник марбургского неокантианства Г. Коген включает понятие реальности в свою концепцию корреляции, что позволяет ему определить реальность как требование и направление чистого мышления. Стремясь истолковать кантовское понимание человеческого мышления как конструирования, он показывает это на примере опыта физиков-теоретиков. «Как при единстве множественности, – пишет Г. Коген, – однородное конституировало экстенсивную величину, так реальность, не только как стоящая в отношении к отрицанию, но возникающая благодаря континуальности, становится интенсивной величиной. Таким образом, схема есть „непрерывное и однообразное порождение ее (реальности. – В.Б.) во времени”» [2. С. 443]. Коген подчеркивает мысль Канта о том, что подобная текущей жидкости непрерывность пространства и времени в опыте означает, что они, будучи *quanta continua* (непрерывными величинами), постоянно воссоздаются в сознании, то есть находятся в «процессе порождения» экстенсивного в интенсивном. По мнению Когена, в обращении Канта к понятиям текучести и непрерывности порождения проявляется влияние ньютоновской терминологии. Так, в «Началах» Ньютон обозначает экстенсивное как «*Fluente*» (бежать, бегущий), а интенсивное как «*Fluxion*» (истекать, текущий). И для Когена это важный аргумент в пользу влияния математического естествознания на кантовскую концептуализацию реальности. «Не с простотою монады, но с законом непрерывности, из которого возникает понятие дифференциала, позже связывается реальность, так что, в отличие от редукции к границе, подчеркивается скорее возникновение и „процесс порождения“ экстенсивного в интенсивном» [2. С. 445].

Если считать, что данные закономерности действуют и в цифровом мире, то можно предположить, что и здесь реализация корреляционистской модели приводит к пространственно-геометрическому принципу ее построения. Перенос опыта наблюдения за небом на объяснение земных явлений в истории случился дважды: платоновское учение о невидимых идеях и галилеевская математизация природы. Идеалист Коген показал, что для того, чтобы увидеть в земных явлениях что-то небесное, надо земные вещи (камни, скамьи, тележки) уподобить небесным (звездам, планетам, кометам). Сегодня происходит формирование компьютерных сетей, включающих в себя серверы, персональные компьютеры, смартфоны и другие менее заметные элементы. Можно представить эту сеть схематически, что в общем-то и делается

инженерно-провайдерскими службами, то есть теми, кто рассчитывает пропускную мощность этих сетей, их технические возможности.

Вряд ли стоит говорить всерьез о конструировании новой реальности, если рассматривать компьютерные сети только с технической точки зрения. Между тем техническое всегда влияло на социальное, и сегодня это влияние достигло максимальной интенсивности. Технические инновации способны создавать новые возможности коммуникации, новые типы построения социальных машин, включающие в себя техники власти, контроля, адаптации и самореализации. Новая реальность возникает в ходе цифровизации в процессе формирования системы контактов и возможностей, которые создают эти контакты и возможности.

В процессе описания глобализации появился термин «сверхсвязный мир», который первоначально истолковывался просто – каждый может связаться с каждым благодаря техническим возможностям новых средств связи и их доступности. Но ведь так начиналось и в XVII в., когда галилеевские расчеты позволили увидеть в движении маятника фрагмент окружности, а в траектории бесконечно катящейся тележки линию, структурирующую и калибрующую пространство.

Между тем эффект сверхсвязности имеет гораздо более сложную природу и более серьезные последствия. Перейти от понятия мира к понятию реальности имеет смысл тогда, когда актуализируется такое свойство последнего, как способность соединять две модальности: возможность и необходимость. Эта унаследованная от аристотелевской метафизики модальная структура реальности позволяет рассматривать не техническую возможность всех связываться со всеми, а возникшие в силу необходимости гетерогенные кластеры связей и контактов.

Эти кластеры, возникшие как результат стремления к удовлетворению тех или иных социально значимых потребностей, соединяют посредством обмена адресами или предоставления адресов в широкий доступ множества индивидуальных и коллективных цифровых субъектов. Из этих кластеров и состоит цифровая реальность, а технологией их создания выступает та самая корреляция и то самое обращение к бесконечно малому, о которой писал основоположник неокантианства. «Если реальность означает отдельное требование и направление чистого мышления, – отмечал Г. Коген, – то это будет лишь распространением эмпирического предрассудка, который всегда критиковал фундаментальные числовые образования, если мы неправильно оценим принцип реальности в принципе бесконечно малого. Мы должны будем более точно показать, как законы природы, в которых определяется реальность природы, не только используют эти буквы в качестве удобных знаков, но как они в тех понятии и принципе имеют и обрабатывают свою собственную основу и почву, которую они не могут покинуть. Нет другого средства сформулировать законы природы; нет, не только сформулировать, но и обосновать их, установить их фундамент и обработать их, кроме того средства, которое закреплено и оформлено в бесконечно малом» [3. S. 520].

Основоположник феноменологии Э. Гуссерль предложил иную версию конструирования физической реальности как способ перехода от экспериментальных фактов к математической модели окружающего мира. В своем «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» он заинтересовался методом Галилея, который по праву считается ключевым методом современной науки. И хотя данный метод был до этого тысячекратно описан и подробно изучался во всех университетах, основоположник феноменологии взглянул на него с точки зрения создания параллельного идеального мира, то есть с точки зрения конструктивизма. Мысль о существовании такого мира – мира идей – высказывал еще Платон, но великий античный мыслитель считал его уже существующим. Здесь же подчеркивается, что Галилей запускает механизм созидания этого мира, а не его постижения. И средство, которым пользуется Галилей для конструирования идеального мира, Гуссерль называет методической индукцией. Галилеевская методическая индукция предстает как поэтапное и пошаговое преобразование всего совокупного донаучного опыта в такую конфигурацию известных чувственных качеств, которая могла бы быть редуцирована к величинам и мерным единицам.

Переход от мира качеств к квантифицированной реальности – не обычная калибровка, при которой измеряемый предмет, свойство или качество сравнивается с эталонным. Галилей предполагал, что мир должен быть подвергнут двусторонней идеализации, для чего ему понадобилось отказаться от трех причин аристотелевской метафизики и сохранить лишь действующую. Это позволило, по мнению Гуссерля, на фундаменте универсальной точной каузальности построить мир двойной идеализации, в котором каузальное предшествует всякой индукции и собирает частные индукции в систему. Данный метод Гуссерль называет методической индукцией, которая применяется к предданному миру и одновременно с этим конструирует его. Так Галилею удалось «изобрести метод, – пишет Гуссерль, – с помощью которого можно было бы систематически и в известной мере заранее конструировать мир, бесконечность его каузальных связей, из ограниченного набора того, что каждый раз – и притом лишь относительно – устанавливается в прямом опыте, и стараться удостоверить эту конструкцию, несмотря на ее бесконечность» [4. С. 51].

Физики-теоретики наблюдают сегодня активное применение IT-технологий в процесс научного конструирования реальности, осознавая при этом, что последствия такого применения не сводятся к техническим вопросам. Например, появились проблемы с различением необходимого и случайного. Возникает вопрос, «какие величины являются случайными?» Для ответа на вопрос необходимо обратиться к разработке исследовательской программы, в основе которой лежит компьютерное моделирование. Два исследователя ставят два компьютерных «эксперимента» и получают два разных результата только потому, что первый опирается на классические, а второй – на байесовские методы вычисления [5. Р. 8–9].

Компьютеризация науки не могла не породить стремления к внедрению ИТ-методов в конструирование физической реальности. Во второй половине XX в. ширится число сторонников модернизации квантовой механики на основе опыта использования ИТ-технологий. Появляется даже новый термин – цифровая механика (DM). «Нам необходимо разработать новую модель причинности, – утверждает Э. Фредкин, – которая будет вписываться в математические результаты, указывающие на функциональную связь между состоянием точки и состояний во всем пространстве-времени. В модели DM состояние ячейки представляет собой цифру. Имеет ли он функциональную связь или нет с конкретной другой клеткой, зависит не только от пространственно-временных отношений, но и от состояния других клеток. В отличие от обычной физики, где эффект может уменьшаться с расстоянием, в DM вероятность может уменьшаться с расстоянием, но эффект сохраняется!» [6. Р. 265].

Реальность как средство соединения чувственного и умопостигаемого

Трансляция процедур методической индукции рождает таким образом еще один мир, который Кант называл умопостигаемым в противоположность миру чувственному [7]. Здесь самое время вспомнить о таких видах цифровой реальности, как виртуальная и дополненная реальности. Отличительной особенностью как первой, так и второй является то, что они спроектированы и тщательно рассчитаны. По сути, речь идет об особых технологиях, которые позволяют оказаться в мире, максимально похожем на мир, к которому мы привыкли. В отличие от физической реальности, которая даже во времена Галилея скорее напоминала надлунный мир астрономов, нежели окружающий нас мир вещей, виртуальная реальность строится с целью создать иллюзию пребывания в этом самом окружающем мире. Для этого используются специально созданные приборы, способные создать ощущение присутствия. Перемещаясь в виртуальную реальность, человек осознает, что он в мире, который подобен миру фантазий, хотя и не требующем для ощущения присутствия никаких усилий фантазии. Виртуальная реальность состоит исключительно из вымышленных объектов, но их должно быть достаточно, чтобы полностью заменить окружающий мир. Виртуальный шлем, перчатки и другие подобные приспособления позволяют имитировать взаимодействия с внешним миром настолько достоверно, что надевший его человек может забыть о том, что перед ним эффекты виртуальности и пережить все «по-настоящему».

Дополненная реальность – это такое совмещение виртуальных и реальных объектов, при котором виртуальная природа первых не ощущается и не переживается человеком как гетерогенная. Даже мысленно пользователь не покидает того мира, в котором он находился до того, как он надевает специальные очки дополненной реальности или особую камеру AR. Старая игра Pokemon GO, уже превратившаяся в легенду, позволяет игроку навести

камеру на стены или пол собственной квартиры и увидеть среди реальных предметов виртуальные, то есть несуществующие вещи.

Нетрудно видеть, что как виртуальная, так и дополненная реальности конструируются с использованием все тех же корреляций и методической индукции. Отличие от деятельности физиков-теоретиков в том, что данная деятельность с самого начала является открытой, она не только является конструированием, но и воспринимается актором и окружающими как конструирование. Но вот отношение к этой сконструированной реальности совсем не как к развлекательной игре – виртуальная реальность предстает как еще одна среда обитания. Планируя сконструировать новую компьютерную игру, разработчики построили еще один мир, в котором может жить человек, который с самого появления человеческого рода стремился изменить естественную среду своего обитания. И природное окружение уступало место искусственным конструкциям все возрастающих масштабах: из деревянной хижины человек переселился в каменный дом, а затем этот каменный дом преобразовался в «умный» дом, где подстраивание окружающей среды под потребности человека и его желания происходит автоматически. Но при этом произошла дифференциация миров: наряду с миром, в котором обитает тело человека, был выделен мир, в котором обитают мысли человека, его желания и намерения, а также воспоминания и переживания событий, участником которых он не был, но которые сыграли в его судьбе немаловажную роль. И, наконец, произошла дифференциация миров обитания индивида и коллектива, миров, создаваемых при помощи теории и миров, данных в повседневном дотеоретическом опыте. А уж затем при помощи специальной техники были созданы новые реальности, также пригодные для жизни, пусть не тела, а всего лишь для жизни сознания.

Существование реальностей: субординация versus координация

Д. Чалмерс убежден в том, что виртуальные реальности – это подлинные реальности, и ошибаются те, кто считает их чем-то второсортным по сравнению с настоящей реальностью. «То, что происходит в виртуальной реальности, – пишет Д. Чалмерс, происходит на самом деле. Объекты, с которыми мы взаимодействуем в виртуальной реальности, реальны. Жизнь в виртуальных мирах, в принципе, может быть так же хороша, как и жизнь за пределами виртуальных миров. Вы можете вести полноценную жизнь в виртуальном мире» [8. Р. XVII]. В итоге он приходит к выводу о том, что всегда есть возможность узнать, что мир, в котором мы живем, может оказаться столь же виртуальным.

Прагматистская психология, а вслед за ней и феноменологическая социология знания обратились к сфере чувств, ощущений и переживаний, вернувшись тем самым из пространства научных понятий в мир обыденного. А между тем именно в сфере повседневного опыта индивид регулярно различает реальность и кажимость, непрерывно идентифицирует нечто в качестве

реального. Таким образом, реальность описывается как результат латентного конструирования, производимого в процессе межиндивидуального взаимодействия или взаимодействия человека с окружающей средой.

Как уже отмечалось выше, второй вид описания реальности возникает в ходе психологического и социологического описания мира повседневного опыта. Модель социального конструирования реальности рождается в XX в. на пересечении феноменологии, интерпретативной социологии и социологии знания, хотя к числу влияний можно также отнести некоторые идеи марксизма и прагматизма. Здесь «реальность» предстает перед исследователями как нечто, возникшее одновременно с возникновением человека и общества – конструирование реальности рассматривается как побочный продукт социального взаимодействия. А Щюц, а вслед за ним П. Бергер и Т. Лукман, понимают под реальностью то, что осознано или неосознанно фиксируется в сознании людей, их поступках, языке и культуре в процессе их совместной жизни. Данный вид реальности формируется и проявляется в сфере повседневного – в ее основе многократное повторение социальных действий и взаимодействий, их фиксация и рутинизация в языке, ритуалах, обычаях, нормах поведения. Результатом всего этого является мир, часть которого образовалась вне какого-то рационального плана, а другая его часть – спонтанные объективации, как физические, так и ментальные. «Реальность повседневной жизни, – пишет А. Щюц, – не просто полна объективаций, она и возможна лишь благодаря им. Я постоянно окружен объектами, которые обозначают субъективные намерения моих партнеров, хотя у меня иногда и возникают трудности в связи с правильным пониманием того, что определенный объект “обозначает”, особенно если он был создан людьми, которых я не знал достаточно хорошо или вообще не знал в ситуациях лицом-к-лицу» [9. С. 62]. При этом основоположник феноменологической социологии ссылается на опыт этнологов и археологов, хорошо осведомленных о тех трудностях, которые приходится испытывать в процессе поиска назначения тех или иных артефактов. Изучение таких артефактов – единственный путь к реконструкции мыслей тех, кто их создавал в условиях, когда культуры, к которым они принадлежали, давно исчезли. Все это А. Щюц считает подтверждением огромной силы человеческих объективаций.

«Нам свойствен, – пишет А. Щюц, – элементарный импульсивный порыв к немедленному подтверждению реальности всего воспринимаемого, пока этому ничто не противоречит. По происхождению всякая реальность субъективна; реально все, что вызывает и возбуждает наш интерес. Когда мы называем ту или иную вещь реальной, это означает, что она некоторым образом связана с нами» [9. С. 401]. Концепция социолога А. Щюца опирается на психологические построения У. Джемса, важное место в которых занимает «свойственное нам» чувство реальности, позволяющее соединить эмоциональную и деятельностную стороны жизни.

Таким образом, если теоретическая (физическая) реальность была сконструирована учеными, то появление данного вида реальности социальные феноменологи относят ко времени рождения самого человека, его языка и культуры. Для реконструкции повседневной реальности также используется арсенал теоретического мышления – П. Бергер и Т. Лукман расщепляют рутинные и повторяющиеся действия, выделяя в них хабитуализацию, седиментацию, институционализацию и реификацию. Теоретики подробно прослеживают механизм формирования привычного и обыденного, их закрепление в социальном опыте через овеществление, которое и есть социально сконструированная реальность. Эта реальность предстает как череда символических универсумов, превращающих хаос потока сознания в этос действия и логос взаимодействия [10. С. 65].

Как известно, само понятие реальности появляется в схоластике как осознание необходимости различения внутреннего и внешнего мира. Освоение античного наследия в средние века породило дискуссии, которые в терминах картезианской философии можно обозначить как экспликацию понятий субъективного и объективного в контексте их отношения друг к другу. В свое время Кант констатировал неспособность философии доказать существование внешнего мира, позднее Дж. Э. Мур разбирал неспособность Канта использовать понятие внешнего мира в одном и том же значении даже на страницах одного трактата. От философов проблема перешла к философствующим психологам, которые отметили естественную потребность индивида артикулировать свое взаимодействие с внешним миром. Для обозначения, возникающего в ходе этого подсознательного и дорефлексивного ощущения внешнего мира лучше всего подходит понятие реальности именно в том значении, в котором его использовали еще средневековые схоласты.

«Это-реальность» и «реальность-это»

Понимание реальности в данном случае не конструируется, а явно или неявно конституируется. Такое понимание-конституирование можно схематически обозначить как «это-реальность» в отличие от «реальность-это». Наиболее отчетливо этот вид реальности описал философ и психолог У. Джемс, поэтому его подход можно назвать психологическим, в отличие от двух ранее представленных подходов, относящихся к философии науки и социологии знания. К неокантианскому и феноменологическому инструментарию здесь добавляются эвристические возможности прагматизма. «Всем известна, – пишет У. Джемс, – разница между представлением вещи в воображении и верой в ее существование, между высказыванием положения и признанием его истинности. В случае признания или веры предмет не просто постигается умом, а считается реальным. Стало быть, вера суть ментальное состояние или функция познания реальности» [11. С. 214].

Джемс приводит рассуждение Джона Милля, из которого следует, что разница между размышлением о чем-то реальном и представлением в воображении сводится к различию между воспоминанием о реальном факте и воспоминанием о некоей мысли. Прагматист и психолог Джемс соглашается с британским позитивистом и логиком в том, что это различие сводится к вопросу о вере – вера в то, что нечто является реальным, рождает ощущение реальности.

Далее Джемс обращается к наследию Ф. Brentano, который различал понятие и суждение, считая их двумя качественно различными психическими феноменами. Джемс оговаривается, что в терминологии прагматизма то, что Ф. Brentano обозначает как суждение, называется верой. Так вот, вера в реальность объекта принципиально отлична от размышления о нем. В результате появляется раздвоение объекта в процессе его помещения в горизонт сознания. Объект может явиться в качестве некоего мыслимого явления, с одной стороны, и в качестве признаваемого или отрицаемого. Другими словами, это различие можно описать как различие между мыслью и желанием. Ничего нельзя желать, если это желаемое не помыслено, но желание есть совершенно новая форма отношения к объекту и новый способ его представления в сознании.

Плодотворность брентановского рассуждения о реальности как о феномене сознания была оценена А. Шюцем, который искал в методологии Э. Гуссерля средства описания социального. Основоположник феноменологической социологии находит несколько различных порядков реальностей, для описания отличия которых друг от друга он использует понятие стиля, имея в виду стилистические различия между физической реальностью и реальностью повседневного жизненного мира. Называемые Джемсом подмирами, эти порядки реальности представляют собой мир чувственных вещей, мир объектов науки, мир идеальных отношений, множество миров индивидуальных мнений и т.п. Видимо, появившаяся недавно цифровая реальность должна занять свое отдельное место среди указанного множества подмиров или порядков реальностей. Хотя возможно и другое – влияние цифровизации испытают все или некоторые из перечисленных реальностей. Так, физическая реальность, представленная прежде системой математических уравнений и описанием техники перевода чувственно воспринимаемых объектов (или фиксируемых при помощи приборов) может до такой степени измениться под воздействием компьютерного моделирования и обработки больших данных, что эти цифровые модели и большие данные займут главное место в представлении физической реальности, оттеснив уравнения, корреляции и индукции на ее периферию.

Вся суть прагматистского подхода к понятию реальности выражена в «Основах психологии», в которой автор определяет разницу между реальным и нереальным, исходя из двух психических фактов. Первым таким психическим фактом можно считать способность человеческого мышления иметь по

поводу одного и того события или явления разные мысли. А второй факт У. Джемс определяет как наличие выбора способа мышления, результатом чего одно и то же может быть помыслено как реальное или как нереальное. Таким образом, мыслящий индивид, выбирая способ мышления предмета, выбирает и результат этого мышления, а значит и предопределяет отнесение этого предмета к сфере реального или к сфере мнимого, кажущегося. В этом, по мнению У. Джемса, и состоит психология веры (beliefs), неверия и сомнения (doubt) [11. С. 221]. А. Шюц выстраивает иерархию реальностей, наделяя реальность повседневной жизни верховным статусом. Ценность этого вида реальности в том, что только с его помощью можно подвергнуть интерпретации любой опыт и можно это сделать в конечных областях значений. Данная особенность реальности повседневной жизни коренится в естественном языке, который позволяет любой опыт, полученный с помощью теоретизирования, идеализации и моделирования, объяснить и даже визуализировать.

Цифровизация прежней реальности versus рождение новой цифровой реальности

Язык возникает в ситуации лицом-к-лицу, но затем его существование обретает известную независимость. Точно также цифровая реальность повседневности возникает в ситуации лицом-к-лицу, существуя затем в сознании и подсознании в качестве воспоминания об ощущениях и переживаниях. Реальность повседневного мира не может дробиться или дифференцироваться – в этом ее суть. Но она испытывает активное вмешательство со стороны цифрового мира – благодаря улучшению технических средств коммуникации трансформируется различие между «лицом-к-лицу» и «на удалении». Рождение письменности стало началом эпохи писем, появление почты привело к образованию социальных статусов «состоящий-в-переписке» и даже «друг-по-переписке», что не могло не сказаться на жизни человека и общества. Компьютерная эра с ее цифровизацией качественно изменила структуру социальных связей и их содержание, сделав возможными невозможные прежде межиндивидуальные и межгрупповые взаимодействия.

Повлияли ли новые коммуникативные возможности на реальность повседневного мира? Разумеется, ведь реальность – это то, что может сопротивляться, ограничивать, препятствовать. И если препятствия социальным коммуникациям, действиям и взаимодействиям в дописьменном и письменном обществе уже различны, то при сравнительном рассмотрении доцифрового и цифрового обществ они значительно возрастают. Телесно встретиться с другими физическими телами, коммуницировать с другими людьми, наталкиваться на препятствия технической или юридической природы человек учится еще в доцифровом мире, но цифровизация этого мира существенным образом трансформирует как первое, так и второе, и третье.

Заключение

Таким образом, можно заключить о том, что цифровизации подлежит лишь реальность, описанная феноменологическими социологами науки, то есть реальность повседневного мира. Эта реальность, выявленная средствами и методами прагматистской психологии и описанная как незапланированный, но неизбежный результат социального взаимодействия, как конструкция, созданная в процессе развития культуры, знания, языка. В ходе взрывного роста компьютерных технологий в конце XX и первой четверти XXI в. трансформируются средства межиндивидуальной и коллективной коммуникации, а вслед за ними трансформируется система сдержек и противовесов, идентифицируемая нами как реальность повседневного мира. Человек и общество, будучи аутопоэтическими системами и отделяющие в своих самоописаниях себя от окружающей среды, учитывают качественное преобразование таких важнейших демаркационных линий, как граница между телом индивида и внешним миром, индивидуальным сознанием индивида и внешним миром, коллективным сознанием индивида и внешним миром.

Что касается влияния цифровизации на процессы конструирования теоретических реальностей, то это влияние не рождает нового качества. Физики и социологи, лингвисты и правоведы по-прежнему отслеживают процессы изменения соответствующих образов и конструкторов под влиянием вновь открытых явлений, процессов и закономерностей, а также посредством интеграции в общий корпус теоретического знания и в отдельные его отрасли новых фактов, интерпретаций и генерализаций. И информационные технологии выполняют здесь роль средств, не посягающих ни на структуру, ни на содержание реальности, независимо от того, идет ли речь о физической, социальной, языковой, правовой или же о какой-либо иной теоретической реальности.

Список литературы / References

- [1] *Эйнштейн А.* Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // *Эйнштейновский сборник*. Новосибирск : Наука, 1966. С. 7–17.
- [2] *Коген Г.* Теория опыта Канта. М. : Академический Проект, 2012.
- [3] *Cohen H.* Logik der reinen Erkenntnis. Berlin : Bruno Cassirer, 1902.
- [4] *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. Спб. : Владимир Даль, 2004.
- [5] *Jaynes E.T.* Probability theory as logic // *Maximum Entropy and Bayesian Methods*. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 1–16.
- [6] *Fredkin E.* An informational process based on reversible universal cellular automata // *Physica D: Nonlinear Phenomena*. 1990. Vol. 45. N 1–3. P. 254–270.
- [7] *Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // *Соч. в 6 томах*. Т. 2. М., 1964. С. 381–426.
- [8] *Chalmers DJ.* Reality+: virtual worlds and the problems of philosophy. N.Y. : W, W. Norton & Company, 2022.
- [9] *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

- [10] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
- [11] Джемс У. Основы психологии // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 214–256.

References

- [1] Einstein A. Maxwell's Influence on the Development of the Conception of Physical Reality. In: *Einstein Collection*. Novosibirsk: Nauka publ.; 1966. P. 7–17. (In Russian).
- [2] Cohen H. *Kant's Theory of Experience*. Moscow: Academic Project publ.; 2012. (In Russian).
- [3] Cohen H. *Logik der reinen Erkenntnis*. Berlin: Bruno Cassirer; 1902.
- [4] Husserl E. *The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' publ.; 2004. (In Russian).
- [5] Jaynes ET. Probabilistic theory as logic. In: *Maximum Entropy and Bayesian Methods*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers; 1990. P. 1–16.
- [6] Fredkin E. An informational process based on reversible universal cellular automata. *Physica D: Nonlinear Phenomena*. 1990;45(1–3):254–270.
- [7] Kant I. *On the Form and Principles of the Sensually Perceivable and Reasonable World*. In: Works in 6 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ.; 1964. P. 381–426. (In Russian).
- [8] Chalmers DJ. *Reality+: virtual worlds and the problems of philosophy*. N.Y.: W, W. Norton & Company; 2022.
- [9] Schutz A. *Selected works: A world shining with meaning*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. (In Russian).
- [10] Berger P, Luckmann Th. *The Social Construction of Reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium publ.; 1995. (In Russian).
- [11] James W. Fundamentals of psychology. *Sociology of power*. 2013;(1–2):214–256. (In Russian).

Сведения об авторе:

Пржиленский Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2. ORCID: 0000-0002-5942-3732. SPIN-код: 7170-3995. E-mail: viprzhilenskij@msal.ru

About the author:

Przhilenskiy Vladimir I. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9/2 Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5942-3732. SPIN-code: 7170-3995. E-mail: viprzhilenskij@msal.ru